

В кругу втором

МИХАЭЛЬ ХАНЕКЕ УСТРОИЛ СКАНДАЛ
КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ МОЦАРТА

Маск-квоста — 2006. — 03 — 09 стр. 67. — с. 27.

ПРЕМЬЕРА

Антон ДОЛИН

Париж

Двадцать седьмого января, в день 250-летия Моцарта, в парижской Опере стоял жуткий шум. Вопли негодования, свист, топот и восторженные аплодисменты слились в единую какофонию на премьере «Дон Жуана». Заведомо скандальной постановкой «оперы опер» генеральный интендант Opera de Paris Жерар Мортье открыл марафон, который продлится целый год: впереди постановки «Свадьбы Фигаро», «Идоменей», *Così fan tutte* и «Милосердия Тита». Какими станут шедевры Моцарта, пока можно лишь гадать; «Дон Жуан», которого показал австрийский режиссер Михаэль Ханеке, заставляет предположить самое невероятное.

Впрочем, в первые секунды после последнего аккорда публика, справившись с шоком, только аплодировала — иная реакция на виртуозное исполнение была бы странной. Семеро из восьмерых исполнителей главных партий — молодые и известные певцы, — осознавая важность момента, выкладывались не шутя. Особенно теплый прием ждал шведского певца Петера Маттеи,

уже не впервые исполнившего партию Дон Жуана, певшего и в других моцартовских операх (в частности, Графа в «Свадьбе Фигаро»), и не менее искусственного в предмете завсегда Зальцбурга, Луку Пизарони — Лепорелло. Но и другие — особенно американский тенор Шон Мэтей (дон Оттавио) и знаменитая сопрано Мирей Делюш (Эльвира, ставшая в постановке Ханеке главной героиней оперы) — были удостоены овалов. Аплодисменты смешались со свистом в ту секунду, когда на сцену вышел постоянный дирижер парижской Оперы Сильвен Камбрелен, лишивший пафоса самые торжественные и «хитовые» моменты — в том числе увертюру. Стоило же показаться на сцене Михаэлю Ханеке, вышедшему с двумя соучастниками преступления — художником-постановщиком Кристофом Кантером и художницей по костюмам Анетт Бофайс, — как зрители будто взбесились: казалось, вот вот между теми, кто пришел от спектакля в восторг, и теми, кого он возмутил, начнется потасовка.

Упрекнуть Мортье в том, что он намеренно шел на скандал, захотят многие. Но как иначе привлечь внимание всего мира к очередной постановке «Дон Жуана»? Единственный возможный вариант — приглашение интересного постановщика, а интереснее Михаэля Ханеке сегодня никого не придумаешь. Недавний лауреат европейских «Оскаров» и Канн («Скрытое»), взбудораживший Европу пять лет назад «Пианисткой», этот беглый австрияк во

французском кино уже не первый год занимает негласный пост «главного приглашенного режиссера». Можно вспомнить и о том, как часто крупнейшие кинорежиссеры брались за оперные постановки и достойно справлялись с задачей: Андрей Тарковский, Чжан Имоу, Патрис Шеро. Что до Моцарта, то едва ли не самая знаменитая постановка «Волшебной флейты» принадлежит Ингмару Бергману.

Ханеке когда-то начинал как театральный режиссер, но в опере до сих пор не работал. Постановка «Дон Жуана» была окутана мраком — ни одного интервью, и на репетиции допускали только непосредственных участников представления. Ханеке, человек по преимуществу любезный, отговаривался тем, что сильно волнуется: на работу у него слишком мало времени. Но и Моцарт, как известно, написал гениальную увертюру к «Дон Жуану» в ночь накануне премьеры. Главное — не сроки, а подход, концепция. Обычно у Ханеке с этим проблем не было. Был вопрос, сможет ли он адаптировать свою специфическую кинематографическую манеру к столь деликатному материалу.

Для парижской публики — блестящий ансамбль виртуозов, для Ханеке — не слишком опытные актеры, обязанные подчиниться воле режиссера

Он не только адаптировал, но и довел ее до радикального предела. В кино режиссер любит использовать беспощадно-статичную камеру — и в опере он прибег к сходному приему: единственная впечатляющая декорация не меняется от начала до конца. «Дон Жуана» трудно назвать

классицистической оперой, но ригорист Ханеке скрупулезно соблюдает все три единства — времени, действия и места. Место представляет собой коридор гигантского офисного здания, из окна которого виднеются такие же небоскребы. Время — ночь; в последние минуты,

Действие «Дон Жуана» происходит в офисе крупной корпорации

Отказ от привычной оперной условности шокирует больше всего

уже после гибели героя, наступает хмурый рассвет.

Ханеке уже снимал своих актеров в тотальной темноте во «Времени волков», фильме о конце света. Однако трудно было себе представить, что он заставит оперных певцов петь в темноте. Когда открывается занавес и звучат первые строки арии Лепорелло, публика тщетно пытается разглядеть его на сцене — пока не замечает, что тот лежит ничком на скамейке. Весь спектакль проходит при «естественном» освещении: тусклый свет окон соседних зданий, свет из-за жалюзи одного из офисов да лифт, двери которого иногда открываются. Самые

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Михаэль ХАНЕКЕ, режиссер — о своем герое

Джованни (молодой генеральный директор предприятия). Недюжинная энергия. Яростно проживает свою жизнь. Неустанно стремится к недостижимому. Играет только по высшим ставкам. Ему необходимо все и сразу. Как только он добивается своего, перестает интересоваться этим и бросается на новую цель. Невероятно умен и талантлив, в то же время агрессивно сексуален — что убеждает и восхищает окружающих. Он хочет их покорить. Всех. Женщин, мужчин, Бога — если бы он существовал. Это насильник, жаждущий любви и жизни.

виртуозные арии исполняются в полутьме, иногда певцы стоят спиной к зрителям. Судя по всему, они следуют дотошной раскадровке и не имеют права ее нарушать ни на шаг. Для парижской публики — блестящий ансамбль виртуозов, для Ханеке — не слишком опытные актеры, обязанные подчиниться воле режиссера.

Итак, действие происходит в некоей крупной корпорации. Ее владелица (Командор), дочь которого (донну Анну) пытался соблазнить неведомый злоумышленник, убит.

Предполагаемый приемник (дон Оттавио) ведет расследование. Ночью, когда и происходят все события, уборщики здания — иммигранты из стран «третьего мира» (в том числе Церлина и Мазетто) — устраивают нелегальный праздник, в ход которого вмешивается гендиректор (дон Джованни) вместе со своим ассистентом (Лепорелло). Дегероизация и деромантизация канонического сюжета — не сверхзадача. В оригинальной и цельной трактовке Ханеке мир «Дон Жуана» предстает адом на земле, адом убедительным и пугающим. И расчетливый Дон Хуан Тирсо де Молины, и склонный к скептицизму Дон Жуан Мольера, и чувственный Дон Джованни Моцарта не верили в наказание свыше, за что и были наказаны. Раз существует преисподняя, то есть и рай, и жертвы преступлений будут вознаграждены так же, как наказан их виновник. Либреттист Моцарта Лоренцо да Понте вспоминал, что когда писал «Дон Жуана», перечитывал дантов «Ад»; Джованни, по идее, должен был пасть во второй круг, где страдают за свои грехи развратники. Но для атеиста Ханеке существованиерая сомнительно. Его ад ужасен, поскольку лишен мистики. Полукруглый офисный коридор и есть второй круг, немисливо реалистичный в малейших деталях. Здесь едят, пьют, дерутся по-настоящему, и этот отказ от привычной оперной условности шокирует больше всего.

Ханеке — из редких моралистов в современном искусстве, и он способен показать порок, давным-давно легализованный и даже воспетый, по-настоящему отвратительным. Его Дон Джованни — должитель преисподней, проверивший на себе неисчерпаемость и безнаказанность зла. Распутство и цинизм, с которым Жуан соблазняет всех и вся и буднично убивает Командора: один точный удар ножом в живот, лужа крови на полу, как в криминальной хронике. Но тройка политкорректных блондинов — Анна, Оттавио и Эльвира, — порицающих развратника, а затем с удовольствием его убивающих, — еще отвратительнее, чем страдающий (хотя бы наедине с собой, когда Джованни поет свою серенаду, адресуя ее брошенному на пол пальто Эльвиры) преступник.

В конце, справившись с противником, они поют, умиротворенно укладываясь на пол, — возможно, пытаясь заснуть и убедить себя, что

все произошедшее им привиделось. Демоны из массовки снимают страшноватые пластиковые маски Микки-Маусов, заменившие у Ханеке полумаски XVII века, и оказываются уборщиками. Чернокожие, китайцы, индусы и арабы, одежды в одинаковые халаты, молча выходят на авансцену. На актеров они не похожи. Неудивительно, что публика, как и зрители фильмов Ханеке, чувствует себя неудобно. Заставить поверить в реальность ада — задача не из простых. В данном случае она выполнена. ■